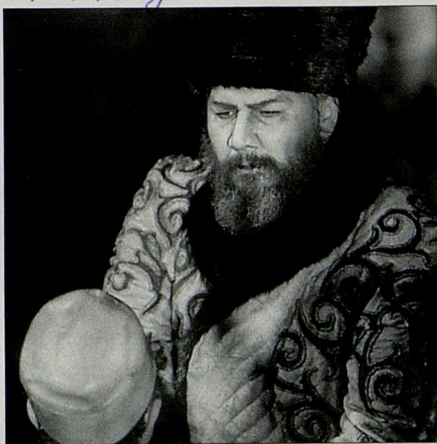

Большой театр -
1994 - дек - с. 21

ВЛАДИМИР МАТОВИН — БОРИС ГОДУНОВ
Лирик-опера. Чикаго, 1994

— Интерес к “Борису Годунову” на Западе держится. Русская тема, правда, зачастую определяется степенью политизированности населения, непреодолимым его соблазном срифмовать царя Бориса с нынешним российским президентом. Но тут, как говорится, ничего не поделаешь, художники за это ответственности не несут, они стремятся прежде всего к познанию Пушкина и Мусоргского. Таков был швейцарский “Борис Годунов” в мае прошлого года, спектакль женевской Гранд-опера. Меня пригласил господин Гааль, тогда возглавлявший театр, а сейчас принявший Гранд-опера в Париже.

Был тот “Борис”, мягко говоря, необычным — нечто напоминающее корабельную палубу, огороженную дощатым забором, в нем приоткрывались, распахивались окна с иконами. Борис четырежды переодевался, оставаясь к финалу босым, простоволосым, в длиннополой рубахе. Да, странно, по нашим понятиям. Но спектакль оказался внутренне динамичным и стилистически современным (режиссеры С.Винг, Г.Вассберг).

Не думал тогда, что эта же постановка окажется через год в Чикаго. Известна практика проката готовых спектаклей в других театрах и других труппах. К ней можно относиться по-разному. Я нахожу ее интересной — замысел не просто проверяется на прочность, но приобретает, конечно, новые призвуки, идущие и от новых исполнителей и от новой публики.

Дирижировал в Чикаго знаменитый маэстро Бруно Бартолетти. Я впервые пел с ним в отличие от Самуэля Реми. Он несколько медленнее, обстоятельнее ведет оперу, может увлечься актерской находкой, принять ее и помочь на спектакле.

Чикагская Лирик-опера — по сути, итальянский театр, и по репертуару, и по составу исполнителей, и даже по своему штату сотрудников,

вплоть до монтировщиков. Там при мне пели в “Федоре” Пласидо Доминго и Мирелла Френи, в “Севильском цирюльнике” Николай Гяуров. Точнейший театральный механизм, сохраняющий многолетнее братство профессионалов-музыкантов.